

Оглавление

Введение	9
А какого размера у вас?	15
Прятки приматов	33
Ночь, когда ты испортил пижаму	41
Мерки жизни	61
Юные и безрассудные	77
Утешение в закономерностях	95
Вступительные экзамены дьявола	107
Останки бедности	121
Фастфуд для обезьян	135
Груз отсутствия груза	147
Трудности с тестостероном	161
Седеющее племя	175
Аптека любопытного Джорджа	189
Опасности недовзбитого суфле для развивающихся стран	213
Размывание границ «я» и фасон рубашки отца	229
Почему, когда болеем, мы чувствуем себя паршиво?	251
Молитвенный обход половичка	265
Благодарности	319
Иллюстрации	321

Введение

Мы все знаем фразу Рейнгольда Нибура: «Господи, даруй мне душевный покой, чтобы принять то, что я не в силах изменить, мужество — изменить то, что могу, и мудрость — отличить одно от другого». Поведенческая биология нередко ставит себе такие же задачи в научной форме. Для биолога вопрос звучит так: какие предосудительные повадки мы можем надеяться искоренить, а с какими стоит смириться? А поскольку в нашем обществе часто дискутируется тема «Природа или воспитание?», формулировка будет жестче: за какие свои промахи мы действительно несем ответственность? Чарльз Уитмен открыл стрельбу с обзорной башни Техасского университета и убил 17 человек — не виновата ли в этом опухоль мозга? А Ричард Спек убил восьмерых медсестер, потому что у него имелась дополнительная Y-хромосома? Дэн Уайт убил мэра Сан-Франциско Джорджа Москоне и члена городского наблюдательного совета Харви Милка — и все из-за ограниченной вменяемости, обусловленной отчасти, по словам его адвокатов, пристрастием к фастфуду? А Джон Хинкли стрелял в президента Рейгана от безумия? Или они все просто были редкостными гадами? А как насчет наших супругов, утопающих в депрессии? Винить ли нейрохимический дисбаланс — или человек просто поддался хандре?

Двоечник отстает из-за неспособности к обучению или просто ленится?

В попытках ответить на подобные вопросы поведенческие биологи сужают рамки проблемы, изучая взаимодействие умственного и телесного. Как получается, что мысль, воспоминание или эмоция — продукты нашего ума — могут изменить активность клеток в нашем теле? И наоборот, каким образом процессы в нашем организме — изменения гормонального статуса, питания, здоровья — влияют на наши мысли и чувства? Ответы на такие вопросы выводят на глобальные проблемы: что за биология определяет основу нашей сущности, какова биология нашей индивидуальности, наших ограничений и возможностей?

Мы ступаем на опасную почву. Проще изучить, как находят путь птицы во время миграции или как сокращаются мышечные волокна, чем ответить, есть ли генетические предпосылки преступности. Еще страшнее злоупотребления, к которым может привести такая работа. Сложно построить идеологию на миграции птиц или физиологии мышц, а вот поведенческая биология как магнит притягивает людей с корыстными целями. Ученые опасаются, что за мимоходом упомянутое мелкое наблюдение ухватятся те, кому не терпится подкрепить научным авторитетом утверждения в духе «Я не отвечаю за свои проблемы» или, хуже того, «Я не обязан тебе помогать, потому что твои трудности все равно не лечатся». И с одной стороны, жизнь может пройти впустую из-за бессмысленных предрассудков. Посмотрите на людей, которым не давали строить свою жизнь и карьеру так, как они хотят, из-за их расы, национальности или пола, потому что считали их биологически, а значит — несправимо, хуже. А с другой сторо-

ны, бывает, что обвинения ложатся на невинных, когда из-за невежества упускается реальное биологическое ограничение. Так, многие поколения дислексиков жили с клеймом глупости.

Вся наука, и даже самые ее сложные области, держится на увлеченных чудаках. Но биология нашей индивидуальности увлекает каждого хотя бы потому, что нам всем приходится решать вопросы биологии поведения. Когда мы выступаем в суде присяжных и выносим решение о виновности человека, который совершил что-то ужасное. Когда мы голосуем на референдумах о выделении государственных денег на попытки исправить какое-то социальное зло и нам приходится решать — можно ли его исправить. Когда человек не справляется с обучением, утверждая, что на большее не способен, и нам надо понять, требовать ли от него большего, или это жестоко. И когда нам приходится наблюдать, как у любимого человека из-за болезни меняется личность, понимая, что это не он, а его недуг.

Раз уж нам приходится практиковать поведенческую биологию, хорошо бы побольше знать о ней. Этот сборник предлагает общий обзор, хоть и не очень последовательный (то есть охватывает самые разные темы, которые меня особенно занимают). Очерки можно разделить на три категории. Одна описывает недавние прорывы в психиатрии, нейронауке и эндокринологии. Кому-то покажется, что многие открытия касаются тяжелых отклонений в человеческом поведении — серьезных психических заболеваний, неконтролируемого насилия. Но, как мы увидим, некоторые из наиболее резонансных результатов близки нам: почему мы не одинаковы в сексуальной ориентации, в стремлении к новому, в стилях мышления и переживаний. Это

не о «ком-то» и не о «чьих-то там болезнях», но о биологических подоплеках нашего повседневного поведения. По моему опыту преподавания люди иногда остро реагируют на выводы таких открытий, потому что, оказывается, у нас намного меньше свободы воли, чем хотелось бы. Яркие примеры этого можно найти в «Суете вокруг Бога» — последнем очерке в сборнике, где я рассматриваю некоторые нейропсихиатрические основы религиозной веры.

Другая группа очерков обращается к той же тематике с точки зрения эволюционной биологии и поведения животных. Вначале может показаться, будто речь о том, что некоторые наши близкие «эволюционные» родичи — например, приматы — намного сложнее и многограннее в своем поведении и эмоциях, чем рассказывают в телепрограмме *Wild Kingdom*. И только потом понимаешь, что дело не только в сложности и многогранности их поведения, а в том, насколько оно близко и понятно нам. Выходит, что мы, люди, просто еще один вид приматов: жутко нервные, закомплексованные, самовлюбленные, но только со странными большими пальцами, но все равно приматы. Например, в «Прятках приматов» речь идет о страсти к подглядыванию, свойственной всем приматам: я написал этот очерк год назад, когда, к своему стыду, примерно по десять часов в день думал о суде над О. Джем Симпсоном*.

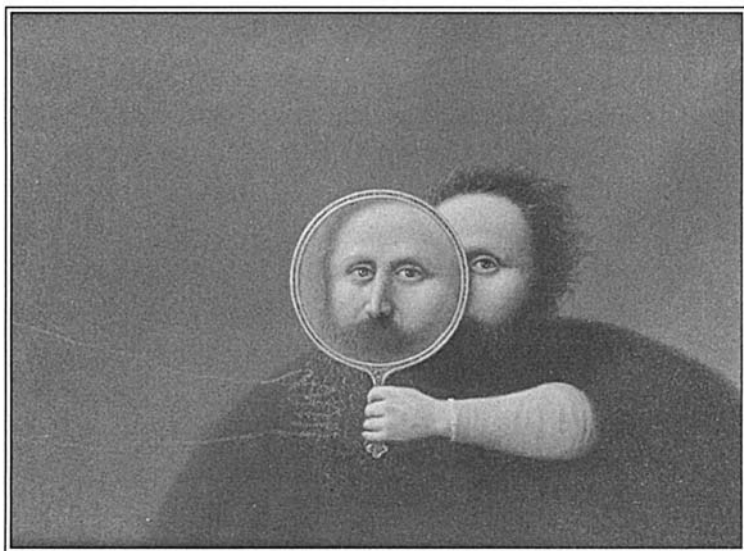
Последняя группа очерков посвящена политическим и социальным выводам, которые можно сделать из открытий в этой области. Некоторые относятся к истории, обра-

* Игрок в американский футбол, получил скандальную известность после обвинения в убийстве своей бывшей жены и ее любовника. Преследование, арест и суд над Симпсоном транслировались на аудиторию порядка 100 млн человек. Суд присяжных оправдал его. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

щаяся к ужасным тупикам поведенческой биологии, в которые завели благонамеренные ошибки, а то и просто благие намерения. Например, в «Останках бедности» я вспоминаю историю воображаемой болезни, изобретенной на рубеже веков, когда ученые еще не знали, как организм реагирует на стресс, и, пока не разобрались, в чем дело, тысячи людей успели погибнуть от последствий медицинской веры в ложное открытие. А в других очерках стараюсь предупредить о будущих опасностях. Например, в «А какого размера у вас?» я привожу недавние спорные данные о том, что величина определенного участка мозга некоторым образом соотносится с сексуальной ориентацией, а затем поднимаю вопрос: что будет, когда технологии визуализации мозга разовьются (а это будет уже скоро) до того, что 10-летнему ребенку можно будет сообщить размер этого участка?

Вот о чем эта книга. И последнее: я верю, что в сегодняшнем мире научные знания полезны любому человеку, как бы ни старались школьные учителя внушить нам к ним отвращение. Когда наука действует правильно, она открывает доступ к самым увлекательным и содержательным загадкам. Она привносит провокационные идеи в наши споры о морали. А иногда даже улучшает нашу жизнь. Мне кажется, что книга как раз об этом, и я старался писать понятно для всех, даже для матерых наукофобов. Факты, приведенные в этой книге, достаточно просты, в отличие от выводов из них.

А какого размера у вас?

Альфредо Кастаньеда, «Когда зеркалу мнится другой образ», 1988

В студенческие годы я жил в Нью-Йорке, на берегу Ист-Ривер, и, когда меня тянуло одновременно к приключениям и к меланхолии, я ездил на остров Рузвельт. Это полоска земли посреди реки длиной в две с половиной мили, с Манхэттена туда можно прокатиться по канатной дороге. Сегодня почти весь остров застроен жилыми небоскребами, а раньше там был отстойник неисправимых или неуправляемых членов общества. На стрелке острова сохранились остатки тех времен — руины психиатрической лечебницы, заброшенной в первой половине прошлого века.

Лет десять назад* по этим руинам еще можно было лазать. Вскрабкаться по перилам лестницы, ступени которой давно сгнили, распахнуть скрипучие металлические двери, наполовину слетевшие с петель, войти в комнату без крыши. Можно было пройти на цыпочках по коридору третьего этажа, который вот-вот провалится и отправит тебя, утыкав занозами, в самый подвал (где наверняка гнездятся крысы размером с питбуля).

Невозможно было пробираться сквозь обломки, не задумываясь, что творилось в этом призраке Бедлама**. Там была

* Очерк написан в 1992 году.

** Бедлам — госпиталь Святой Марии Вифлеемской (Bethlem Royal Hospital), психиатрическая больница в Лондоне, название которой стало нарицательным синонимом сумасшедшего дома, а позже — обозначением любой неразберихи и беспорядка.

дверь с надписью «кабинет инсулинового шока», пятна крови на стенах, ржавые каталки, с которых сквозь дыры в полу, покачиваясь, свисали привязные ремни. Даже теплым осенним днем, когда здание без крыши заливали солнечные лучи, все равно казалось, что там мрачно и промозгло, а стены пропитаны муками и печалью.

Представлять, как обращались с душевнобольными сотню лет назад, — для нас что-то вроде теста Роршаха. Как далеко с тех пор ушла психиатрия? Можно ли сказать, что сегодняшнее обращение с душевнобольными ничуть не изменилось к лучшему?

Кое-что остается удручающе неизменным: душевнобольных по-прежнему тщательно изолируют, потому что остальных людей от них бросает в холодный пот. Однако сегодня, когда мы говорим о лечении, то имеем в виду лекарства, влияющие на химию мозга (скажем, на нейромедиаторы), а раньше речь шла о лоботомии и инсулиновой коме, а еще раньше — о связывании и ледяных ваннах. Изменились и наши представления о причинах заболеваний. Сегодня мы обсуждаем регуляцию рецепторов и гены, а раньше мы обвиняли матерей, посылающих впечатлительным малышам смешанные сигналы любви и ненависти.

Но больше всего трансформировалось наше отношение к аномальному поведению. Мы различаем намного больше нюансов, когда речь идет о запутанных вопросах вины. Когда-то эпилептиков преследовали за одержимость. Этим мы уже не занимаемся, и эпилептика, который во время приступа кого-то заденет, не станут обвинять в нападении и побоях. Одна из побед нашего века — в том, что мы свыклись с мыслью: «Это не он, это его болезнь». Мы выучились проводить грань между личностью человека и нейро-

психиатрическим заболеванием, которое искажает и ограничивает эту личность.

Мы уже не обвиняем в насилии эпилептика, чьи руки неуправляемо дергаются во время припадка. Но во многих других случаях нам не так хорошо удастся разделить человека и его болезнь. Вспомните, например, первобытные вопли в газетах, что Джону Хинкли «все сошло с рук», когда после покушения на президента Рейгана его госпитализировали с диагнозом «шизофрения», а не посадили в тюрьму. Или подумайте, сколько учителей и родителей позволяют себе слова «глупый» или «ленивый», будучи не в силах понять, где кончается личность ребенка и начинаются ограничения его обучаемости.

Если уже сейчас многим из нас не всегда удастся провести эту грань, то дальше будет только хуже. Новые течения в нейропсихиатрии и поведенческой биологии предсказывают неожиданный поворот. Изменится не только наше понимание биологических императивов, которые толкают отдельных людей на чудовищные зверства. *Изменится видение мелких особенностей, составляющих индивидуальность каждого здорового человека.*

Одна из самых примечательных трансформаций произошла с нашим представлением о «шизотипических» личностях. Несколько десятков лет назад команда под руководством психиатра Сеймура Кети из Центральной больницы штата Массачусетс выявила генетическую составляющую болезненно спутанного мышления, известного как шизофрения. Ученые работали в Дании с архивами усыновлений, которые здесь ведутся очень аккуратно. Изучая дела детей, усыновленных в младенческом возрасте, Кети задался вопросом: повышен ли риск шизофрении для ребенка,

родившегося у больных родителей, но усыновленного в здоровую семью? И наоборот, повышен ли риск для ребенка здоровых биологических родителей, который растет с приемным родителем, больным шизофренией?

Работа Кети показала, что генетические факторы действительно повышают вероятность заболевания. Но, чтобы это выяснить, психиатрам пришлось тщательно опросить несколько тысяч биологических и приемных родителей. На это ушли годы работы и усилия тысяч специалистов. Никто раньше в таких масштабах не изучал родственников больных шизофренией. В ходе исследования стало заметно еще кое-что: многие из опрошенных были, что называется, со странностями. Родственники больных не болели сами, но были слегка социально дезориентированы. Когда они говорили, за ходом их мыслей не всегда было легко уследить. В глаза это не бросалось, и если общаться с семьями нескольких больных, то и не заметишь, но в масштабах тысяч семей становилось явным. В этих семьях люди демонстрировали странные фантазии и обладали магическим мышлением. Ничего по-настоящему безумного — повышенный интерес к научной фантастике и фэнтези, твердая вера в какую-нибудь оккультную галиматью или астрологию или буквальная вера в библейские чудеса. Это не болезнь. Многие взрослые ездят на слеты фанатов «Стартрека», жены президентов консультируются с астрологами, не теряя репутации в мире моды, а кто-то верит, что Земля была создана за семь дней. Но черты, которые наблюдал Кети (особенно магическое мышление и не очень связанные мысли), сегодняшние психиатры называют шизо-типическим расстройством личности. Выходит, что определенный набор генов повышает предрасположенность

к шизофрении. Со смягченной версией этого набора вы, может, будете предрасположены верить в эзотерические идеи, не слишком твердо основанные на фактах. Есть ли ген веры у Оби-Вана Кеноби? Разумеется, нет, но вполне возможно, что реальность к этому ближе, чем мы думаем.

Биология поведения раскрывает, как в норме работают у нас тормозные механизмы. В течение обычного дня вас не раз посещают мысли — похотливые, злые, наглые, жалкие, — которые вы никогда бы не решились высказать вслух. Повредите определенный участок лобных долей мозга, и вот вас уже ничего не сдерживает: лобные доли — это ближайший нейроанатомический аналог «Сверх-Я»*. Финеас Гейдж, железнодорожник XIX века, прославился как медицинский феномен после того, как в результате несчастного случая разрушилась его левая лобная доля. Из молчуна он превратился в драчливого горлопана, который всем говорил, что думает. «Лобная расторможенность» включает агрессию, неуместную прямолинейность, гиперсексуальность и часто встречается при повреждениях лобных долей после инсульта. Удивительным образом то же самое происходит при болезни Хантингтона — редком врожденном неврологическом заболевании. Ученые долго считали ее двигательным расстройством — в возрасте 40–45 лет у пациентов начинают непроизвольно дрожать конечности, так как в мозгу разрушаются тормозящие двигательные пути. Со временем дрожь распространяется на все тело, и постоянные корчи окончательно выводят человека из строя. Менее известная черта этого заболева-

* «Сверх-Я» (Супер-Эго), по Фрейдю, один из трех компонентов психики (наряду с Я и Оно), который отвечает за моральные и религиозные установки, нормы поведения и запреты.

ния — социальная расторможенность, которая часто предшествует двигательной. Недавно обнаружили, что у больных Хантингтоном повреждается в числе прочего и лобная кора.

Некоторые нейробиологи употребляют слово «лобный» в язвительном смысле: перепуганный студент запинаясь делает доклад, и какое-нибудь толстокожее светило науки разносит его в пух и прах за какую-то мелочь, пользуясь случаем повыпендриваться. «Господи, — бормочут в задних рядах — какой он стал к старости лобный*».

При разрушении этой части мозга вы не забудете имя воспитательницы из детского сада, все еще сможете танцевать польку и чувствовать то же, что и все. Просто вы будете рассказывать другим об этом чаще, чем большинство из нас. Наверное, имеет смысл предположить, что с лобными долями бесчувственного светила науки что-то не так?

Еще один вид нейропсихиатрической расторможенности — синдром Туретта, который был раньше диагностически непопулярным, но стремительно входит в моду. Пациенты с синдромом Туретта знамениты своей неудержимой руганью. Но это только начало. Больные не только ругаются, но и подражают голосам животных — тьякают, взвизгивают, рычат; делают резкие или непристойные движения, лицо у таких дергается в тиках. Это отдельные генетические и нейрохимические проявления болезни, но в целом она остается почти неразгаданной тайной. Тем не менее синдром Туретта кардинально отличается от расторможенности лобных пациентов. Лобный больной говорит или дела-

* «Лобный» в этом контексте не имеет русского аналога, самое близкое по смыслу слово «прямолинейный» с негативной коннотацией. — *Прим. науч. ред.*

ет то, о чем остальные думают, но никогда не выпускают из своих надежно обузданных умов. Пациенты с Туреттом не хотят лаять, как собаки, или хватать себя за промежность — это аффективные судороги, неуправляемые выбросы, которые случайным образом обрушиваются на человека. Это как будто икает «Оно»*.

Получается, к явной и необъяснимой расторможенности приводят самые разные нейропсихиатрические расстройства. А у некоторых больных эпилепсией происходит личностный сдвиг в противоположном направлении. Грубо говоря, эпилептический припадок — это аномальный электрический разряд в мозгу. Неврологи давно знают, что у пациента прямо перед приступом часто возникает странное ощущение, «аура», и очаг приступа в мозгу может влиять на тип ауры: у эпилептиков часто возникает сенсорная аура, им представляется, например, определенный запах. Существование аур говорит о закономерном явлении: внезапные вспышки электрической активности в различных частях мозга влияют на мысли и ощущения. Теперь неврологи стали признавать, что различные виды эпилепсии также влияют на личность: они действуют на человека постоянно, а не только в секунды перед припадком.

Например, люди с определенным видом эпилепсии височных долей мозга часто бывают очень серьезными, негибкими, лишены чувства юмора. Они боятся делать что-то новое и застревают в старых привычках, стараясь ходить на работу каждый день по одному и тому же маршруту, носить одежду одного типа, заказывать одно и то же блю-

* «Оно» («Ид») — одна из структур, описанных Фрейдом, бессознательная часть психики, совокупность инстинктивных влечений.

до в ресторанах. Они держатся узкого круга друзей, демонстрируя тип личности, который нейропсихологи язвительно называют «вязким» или «липким». Такие люди часто увлекаются религией или философией. К тому же они не только неотвязно думают о своих недугах, но и без устали пишут о них. Среди неврологов височные эпилептики славятся своей «гиперграфией». Для них обычное дело прийти к новому врачу с аккуратным рукописным дневником на 80 страницах и настаивать, чтобы доктор все прочел, только тогда он поймет пациента. А на следующий осмотр явиться с 50-страничным примечанием. Можно рассуждать о том, что тяжелое неврологическое заболевание кого угодно сделает серьезным и заставит задумываться о философских вопросах жизни, заставит сузить свои горизонты и полагаться на знакомые, надежные схемы. Но при других типах эпилепсии, не менее тяжелых, такого сдвига личности не происходит, он не зависит ни от частоты или тяжести припадков, ни от степени нарушения нормального хода жизни. А стоит лишь возникнуть неконтролируемым ритмичным вспышкам электрической активности в височных долях мозга, как человек начинает интересоваться философией и неизменно заказывать одно и то же блюдо в ресторане.

Есть и другие виды биологически обусловленной несвободы поведения. Каждому из нас доводилось порой по дороге в аэропорт впадать в панику из-за того, что мы не уверены, заперта ли дверь дома. В сложные периоды жизни нам не удается сосредоточиться, потому что в голове крутится дурацкая мелодия из рекламы. Это обычно и нормально. Но у больных обсессивно-компульсивным расстройством подобные мысли захватывают и разрушают

всю жизнь. Люди отменяют путешествия, раз за разом возвращаясь домой проверить, выключена ли плита. Они теряют работу из-за ежедневных опозданий, потому что по утрам часами моют руки. Они изводят себя бесконечным счетом в уме. Маленькие мысленные или поведенческие ритуалы для нас — опора и успокоение в моменты тревоги. При обсессивно-компульсивном расстройстве (сейчас считается, что оно вызвано сбоями мозговой химии, вероятно серотонина и дофамина) ритуалы переходят все границы и человек становится их рабом.

Что нам дает этот экскурс в причуды нейропсихологии? Мы учимся проводить черту между нормой и болезнью. Большинство этих заболеваний совсем недавно не существовало в медицинском мире, у нас даже не было специальных слов, чтобы описывать, как биология иногда разрушает жизнь человека. Теперь эти слова у нас есть. Мы начинаем разбираться, какие области мозга, гены, эпизоды в раннем детстве связаны с такими биологическими бедами. По мере узнавания расширяем определение болезни. Мы и раньше считали, что люди, которые несут бессвязный бред, больны, что они не могут себя контролировать, страдают от этого и заслуживают заботы и защиты. Мы медленно приходим к пониманию, что страдать можно и от бесконечной череды чисел в уме, и от парализующего страха нового — что это тоже может быть неуправляемой болезнью, которая требует лечения и сочувствия.

Данная область знания продолжает развиваться, и, может быть, для некоторых болезней найдется лечение. Но прогресс проявляется и в признании все большего числа таких особенностей личности заболеваниями. Чтобы описывать их, вводятся все новые и новые наименования.

Я узнаю на этих страницах себя. Когда я беспокоюсь и переутомляюсь, у меня начинается тик на лице и я считаю ступеньки, поднимаясь по лестнице. Я обычно ношу фланелевые рубашки. В китайских ресторанах всегда заказываю брокколи с чесночным соусом. Каждый раз я думаю: «Закажу брокколи с чесночным соусом», потом думаю: «Нет, закажу-ка я что-нибудь другое». Потом: «Но мне же в прошлый раз понравилась брокколи, зачем брать что-то другое?». Потом: «Так, кажется, я превращаюсь в однообразного зануду», а потом передо мной возникает официант и я заказываю брокколи с чесночным соусом.

Я не страдаю ни от височной эпилепсии, ни от обсессивно-компульсивного расстройства, ни от других заболеваний, которые я описывал. Но разумно будет предположить некоторый биологический континуум — височные доли эпилептиков, принуждающие их к однообразным действиям и реакциям, в чем-то похожи на мои собственные височные доли, особенно когда им светит угрожающий выбор китайских блюд «Восторг Будды» или «Сычуаньский цыпленок генерала Цо». Может быть, нейрохимические отклонения, из-за которых пациентка с шизофренией слышит голоса, провозглашающие ее императрицей Калифорнии, — те же самые, что в более мягкой форме заставляют шизотипического индивида верить в телепатию. А в еще более мягкой форме они же позволяют нам пару минут помечтать о том, как мы дружим с каким-нибудь обаятельным киногероем. Что, если мы постепенно сможем разобраться в генетике, нейрохимии и гормональных предпосылках вкусов в одежде, голосования за демократов, религиозности, избыточного беспокойства о деньгах или чрезмерной беспечности? Некоторые из этих раздражающих черт являются в худшем

случае слабостью характера, но никак не патологией. Постепенно мы отойдем от изучения «кого-то», то есть индивида и его болезни. Вместо этого научимся определять биологию «нас», наших слабых и сильных сторон, возможностей и ограничений.

В 1992 году газеты изобиловали историями об одном таком прорыве. Ученые годами искали биологические различия между гетеросексуальными и гомосексуальными мужчинами, не находя ничего определенного. Но в августе 1992 года авторитетный журнал *Science* опубликовал статью нейробиолога Саймона Левея, в которой описывалось именно это различие — огромное и интересное. Речь шла о гипоталамусе — важнейшей для сексуального поведения части мозга. Размер одной из зон в передней части гипоталамуса, известной как третье промежуточное ядро, неодинаковый у разных полов: у мужчин она больше, чем у женщин. Левей писал, что у гомосексуальных мужчин ядра меньше, чем у гетеросексуальных, — то есть по размеру они ближе к женским*.

Гомофобы только того и ждали: «Смотрите, у них просто с мозгами не все в порядке». А для геев это стало подтверждением: «Вот, я всегда вам говорил, что я гей, потому что так устроен». Люди, обеспокоенные социальной политикой, стали понимать, что учитель-гей может сделать учеников геями не больше, чем голубоглазый учитель — помянуть детям цвет глаз. Конечно, вопрос остается открытым: Левей — блестящий нейробиолог, но он сделал эти наблюдения на небольшой выборке, а ткани мозга, которые он

* Отсюда пошла надпись на футболке, которую я видел на ком-то в Сан-Франциско в районе Кастро: «Маленькое у меня только третье промежуточное ядро». Как прекрасно, когда нейроанатомия начинает задавать тон моде!

изучал, принадлежали больным СПИДом: болезнь могла изменить их структуру. К тому же Левей не знает, является ли маленький размер причиной или следствием сексуальной ориентации.

Но предположим, что его наблюдения соответствуют истине. Что маленькое промежуточное ядро у мужчин — причина, а не следствие гомосексуальности. Тогда что будет, когда технологии визуализации мозга разовьются (а до этого недалеко) настолько, что мы сможем измерять эту область мозга у человека? Гомосексуальность не болезнь (если вы не верите мне, спросите Американскую психиатрическую ассоциацию. Гомосексуальность считалась болезнью, пока АПА в приступе просвещения и политкорректности не передумала и не вычеркнула гомосексуальность из своей библии — Диагностического и статистического руководства по психическим заболеваниям. Так за одну ночь миллионы людей излечились от болезни — впечатляющий результат одного заседания комитета). Сообщать ли размер их ядер подросткам, которые еще не определились с сексуальными предпочтениями? Что делать с не скрывающими своей ориентации, счастливыми гомосексуальными или гетеросексуальными взрослыми, у которых ядро «не того» размера? Что делать с ядрами средних размеров? И озаботится ли Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов тем, чтобы предотвратить нашествие знахарей, предлагающих чудодейственные способы изменить размер ядра?

Новый мир будет полон старых опасностей. В каких-то областях новые знания и диагнозы, скорее всего, лишь прибавят причин, по которым люди без денег и связей не получают работу, жилье или страховку. Что еще страшнее, научное

понимание даст простор для манипуляций, а там недалеко и до желания починить то, что не сломано. В каждом поколении будут свои гитлеры, чей биологический идеал имеет четкий арийский профиль, и в каждом поколении найдутся ученые и врачи, которые будут только рады маршировать с ними хоть в ад.

Но это новое знание будет полно и надежды. Признать неразрывную связь между нашими безобидными причудами и их патологическими версиями полезно для носителей последних. Когда наука снова и снова показывает, что, кабы не милость Божия, шли бы так и мы*; когда мы осознаем, что все мы братья по нейрехимии, нам приходится проявлять больше сострадания и терпимости. И когда это осознание распространится, мы поймем, что проводить границу между «сутью личности» и «биологическим искажением этой сути» — неестественно. Это всего лишь удобный способ классификации биологических ограничений, свойственных большинству из нас, и ограничений более редких. Быть здоровым, как говорится, — это болеть тем же, что и все остальные.

ЧТО ЕЩЕ ПОЧИТАТЬ

В конце каждого очерка я буду давать несколько ссылок с комментариями. Это для того, чтобы привести данные о процитированных исследованиях и утверждениях и указать направление читателю, который захочет о чем-то узнать побольше. К сожалению, большинство материалов написаны не слишком популяр-

* «Кабы не милость Божия, шел бы так и Джон Брэдфорд», — сказал участник английской реформации Джон Брэдфорд (1510–1555), глядя на преступников, идущих на казнь.

ным языком. Я постараюсь отмечать более доступные для чтения и предупреждать о тех, которые совсем этим не отличаются.

Обзор шизотипии см.: M. Vollema and R. van den Bosch, "The Multidimensionality of Schizotypy," *Schizophrenia Bulletin* 21 (1995):19. Дискуссия о том, как шизотипия и шизофрения образуют генетический континуум (то есть часто встречаются в одних и тех же семьях): K. Kendler, A. Gruenberg, and D. Kinney, "Independent Diagnoses of Adoptees and Relatives as Defined by DSM-III in the Provincial and National Samples of the Danish Adoption Study of Schizophrenia," *Archives of General Psychiatry* 51 (1994): 456. Также см.: C. Webb and D. Levinson, "Schizotypal and Paranoid Personality Disorder in the Relatives of Patients with Schizophrenia and Affective Disorders: A Review," *Schizophrenia Research* 11 (1993): 81.

Обзор поведенческих признаков болезни Хантингтона: J. Cummings, "Behavioral and Psychiatric Symptoms Associated with Huntington's Disease," *Advances in Neurology* 65 (1995): 179. Также см.: M. Mendez, "Huntington's Disease: Update and Review of Neuropsychiatric Aspects," *International Journal of Psychiatry in Medicine* 24 (1994): 189.

Синдром лобной расторможенности рассматривается в J. Cummings, "Frontal-Subcortical Circuits and Human Behavior," *Archives of Neurology* 50 (1993): 873.

Синдром Туретта описан в книге Оливера Сакса «Человек, который принял жену за шляпу» (The Man Who Mistook His Wife for a Hat and Other Clinical Tales, 1985)*. Это сборник историй о пациентах Сакса, знаменитого невролога, читается книга очень легко.

Черты личности пациентов с особенностями височных долей мозга описаны в S. Waxman and N. Geschwind, «Hypergraphia in Temporal Lobe Epilepsy,» *Neurology* 24 (1974): 629. Покойный

* Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу. — М.: АСТ, 2015.

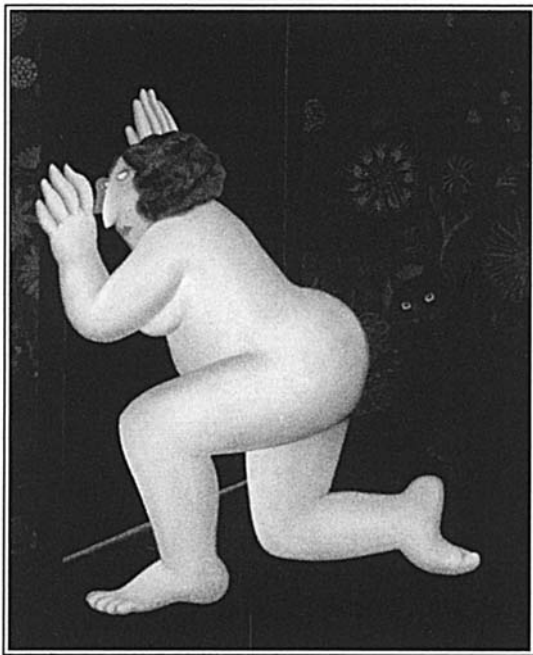
Гешвинд, один из столпов неврологии, сформулировал многие из современных представлений о данном типе личности.

Прекрасное введение в обсессивно-компульсивное расстройство — книга Джудит Рапопорт «Мальчик, который не мог перестать мыться» (*The Boy Who Couldn't Stop Washing*, 1989). Автор — возможно, главная исследовательница этой темы — собрала удивительные истории.

Работа Саймона Левея о *биологических основах сексуальной ориентации* описана в целом ряде публикаций. Его главная статья о структурных различиях мозга — S. Levay, “A Difference in Hypothalamic Structure between Heterosexual and Homosexual Men,” *Science* 253 (1991): 1034. Он дает обзор этой темы в научно-популярной книге “*The Sexual Brain*” (1993). Открытия Левея, и даже в большей степени работы Дина Хеймера, касающиеся возможных генетических предпосылок сексуальной ориентации, имеют определенные противоречия. Описание этих противоречий кратко приводится в легких для чтения статьях: S. Levay and D. Hamer, “Evidence for a Biological Influence in Male Homosexuality,” *Scientific American* 270 (May 1994): 44; и W. Byne, “The Biological Evidence Challenged,” *Scientific American* 270 (May 1994): 50.

Прятки приматов

ДОКТОР ПАВИАНУ УТВЕРЖДАЕТ:
«ВСЕ ЛЮБЯТ ПОДГЛЯДЫВАТЬ»

Берил Кук, «Замочная скважина», 1981

Я пытаюсь различить детали, но все сливается. Это Кейто Кейлин был тайным любовником Тони Хардинг? Я правильно помню, что Хайди Флейс наняла братьев Менендес, чтобы разделаться с Джоном Уэйном Боббитом? Вуди Аллен был за рулем белого форда, на котором Майкл Джексон сбежал из квартиры, которую снимали Джон Кеннеди — младший и Дэрил Ханна?

Неловко иметь плохую память. Еще более неловко вообще знать такие вещи. Едете в транспорте, специально читаете Сартра на французском, выкрутили плеер на максимальную громкость, чтобы все слышали струнный концерт Бартока. Но не можете удержаться, чтобы не наклониться вперед — совсем чуть-чуть — и заглянуть через плечо соседа с журналом *People*, чтобы рассмотреть новую прическу Лесли Абрамсон.

Еще хуже на дружеских встречах. О свежих сплетнях и скандалах заговаривают с некоторой неуверенностью, небрежностью. Но, заговорив, патентованные интеллектуалы должны действовать по определенным правилам. О. Джей Симпсон — Америка, в которой за деньги можно получить любое решение суда, дальше расовый вопрос, дальше очередной виток дебатов о смертной казни.

Вуди и Миа — распад нуклеарной семьи. Вечер все тянется, необходимость быть отстраненным и интеллектуальным нарастает. Лорена Боббит* — очевидная параллель с ритуалами обрезания у австралийских аборигенов. Братя Менендес — новое прочтение Луизианской покупки и истребления американских бизонов. И, несмотря на высоколобый тон, вы чувствуете, будто запачкались. *Нам стоило бы обсудить Маркса и то, как его чирьи связаны с диалектическим материализмом.* Высоколобый тон выводит вас из себя. *Я хочу спросить у всей компании, с кем хуже застрять в лифте — с Джонни Кокраном или с Нэнси Керриган?*

Почему мы такие вуайеристы, почему не можем не гнаться за сенсациями? В самые плохие дни, засыпая утром на работе, потому что полночи смотрел, как Тед Коппель рассказывает об очередной звезде-однодневке, я утешаюсь тем, что я не один такой.

Я веду двойную научную жизнь: когда я не изучаю нейроны и гормоны стресса в лаборатории, мои дни проходят в степях Восточной Африки за изучением стад диких павианов. Я наблюдаю за их социальными махинациями и сложным взаимодействием с сотнями обитателей саванны. Кучка обезьян сидит в поле. Завязывается драка. Дерутся два крупных высокоранговых самца. Напряжение росло между ними уже давно, и вот происходит взрыв. Сотня фунтов мускулов и тестостерона, острые клыки — больше,

* Джон и Лорена Боббит — американская супружеская пара из Манассаса, штат Виргиния. Получили всемирную известность после того, как в 1993 году Лорена в ответ на домашнее насилие со стороны Джона отрезала ему ножом половой член. Пенис Боббита был реплантирован в ходе хирургической операции. Супруги предстали перед судом по обвинению в насилии друг против друга, но были оправданы. — *Прим. ред.*

чем у взрослого льва. Выпады, удары, вопли. Кто окажется поблизости, тот рискует пострадать — или в самой драке, или сразу после нее, когда проигравший захочет выместить обиду на ком-нибудь помельче. Что логично сделать? Убраться подальше. Что делает половина животных? Бросают свои дела, встают на задние лапы, проталкиваются поближе, чтобы лучше видеть. Возможно, они хотят научиться искусству боя или молча засвидетельствовать крах пацифизма? Нет, им просто любопытно, что будет.

Вуайеризм иногда проявляется в другом знакомом нам виде. Особо отличился в этом деле самец-подросток, которого я назвал Авессаломом, присоединившийся к стаду несколько лет назад. Тогда он только-только открыл для себя девушек, то есть самок павианов. У него самого на этом фронте ничего не происходило, ему оставалось высматривать, что там у остальных, на что уходила добрая половина его времени. Заметив сексуальное ухаживание в стаде, он тут как тут, в ближайших кустах, вытягивает шею, стараясь разглядеть все подробности. В один прекрасный день высокоранговый самец и «горячая» самка тихонько сидели, вычесывая друг друга. Они отошли от остального стада и уединились, явно настраиваясь на продолжение. Внезапно Авессалом, который в поисках лучшего ракурса тихонько прополз по ветке дерева прямо над ними, свалился им на голову — ветка не выдержала его веса. Не понравилось это никому.

А иногда подобный вуайеризм бывает похож на пересуды деревенских жителей. Самка по имени Ребека родила первого детеныша. Первородящие самки нечасто проявляют материнские навыки, но Ребека была особенно безнадеежна. Отходя от стаи, она забывала ребенка, часто его шлепала, не умела посадить малыша на спину, чтобы было удоб-